

**Аркадий
ПАСМАН**

**СЛАБОСИЛЬНЫЙ
БРАТ МОЙ...
НЕРАЗУМНЫЙ
БРАТ МОЙ...**

16+

Аркадий Пасман

**Слабосильный брат мой,
неразумный брат мой**

«ЛитРес: Самиздат»

1986

Пасман А.

Слабосильный брат мой, неразумный брат мой / А. Пасман —
«ЛитРес: Самиздат», 1986

Ум или сила? Отточенность движений или острота ума? Что важнее? И
можно ли сравнивать, взвешивая на разных чашах весов то, что сравнивать
невозможно? И может ли медаль иметь только одну сторону?

Содержание

глава первая	5
глава вторая	8
глава третья	11
глава четвертая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

глава первая

Эми Элфос, младший стажер Стальной Когорты, вышел из высоких кованых ворот Гвардейских казарм и не спеша двинулся вверх по улице. До начала матча оставалось чуть меньше получаса, но он и не думал торопиться: во-первых, до стадиона было минут двадцать ходьбы, даже если будешь плестись как беременная черепаха, а во-вторых, восходящая звезда, левый полукрай «Смертоносных Ангелов», мог позволить себе прийти минута в минуту, чтобы заставить тренера пару раз вспотеть: а вдруг Эм «Торпеда» опоздает к началу, а то и вовсе не придет... Пусть попрыгает, старый боров!

Теплый апрельский день клонился к закату, и последние лучи весеннего солнца струились на затихающий город, а он дремал под ними, словно разнежившийся кот. Улицы были почти пустыми, лишь изредка навстречу попадались гуляющие парочки да армейские патрули, почтительно козырявшие Элфосу. Он отвечал им небрежно, чуть вскидывая вверх правую руку, весь погруженный в мысли о предстоящем матче.

Серая громада Стадиона открылась за поворотом дороги внезапно, словно выскочив из-под земли, и Эми в который раз удивился его размерам. Стадион напоминал бетонное блюдо невероятной величины и, в то время когда игры проходили еще в присутствии болельщиков, мог свободно вместить добрых триста тысяч беснующихся, вопящих, размахивающих флагами фанатиков. Но, слава Богу, вот уже почти два десятка лет, после Сейского Побоища, доступ зрителей на трибуны был прекращен, так что они могли наблюдать за ходом матчей только по телевизору, собираясь кучками в клубах или молочных барах, и, для того чтобы разбить башку кому-нибудь из болельщиков другой команды, нужно было пойти на улицу, так что возникающие изредка стычки даже и близко не напоминали настоящие сражения, кипевшие раньше в цементных лабиринтах стадионов.

Миновав тройной полицейский кордон и кивнув нескольким знакомым, Эми Элфос шагнул в синеватый блеск лучевого барьера и оказался в раздевалке. Почти вся команда была уже одета, и теперь игроки отдыхали перед игрой, развалившись в огромных мягких креслах, напоминавших лежащих медведей.

– Ну, Эми, наконец-то! – бросился к вошедшему тренер «Ангелов» Тир Тифос, по прозвищу «Кабан». – Наконец-то! Одеваться, одеваться, через семь минут свисток!

Пробурчав в ответ что-то невнятное, Эми ловко скинул мундир и начал быстро облачаться в спортивные доспехи. Наколенники, налокотники, тройные щитки, бронепередник, защищающий пах, и бронежилет, оберегающий грудную клетку и живот, сверху кевларовый комбинезон, высокие шнурованные ботинки с шипами – сотни раз проделанная процедура одевания происходила как бы сама собой, автоматически, помимо сознания. Тифос, с невероятным для его мощной туши проворством, помогал Эми застегнуть многочисленные застежки и крючки, проверял плотность накладок, подтягивал шнуровку.

Внезапно в раздевалке раздался резкий троекратный зуммер, и над дверью на поле вспыхнула широкая желтая полоса.

– Так, ребята! Две минуты до начала! – внушительно произнес тренер, медленно оглядывая комнату. – Задача простая. Растопчите их! Растерзайте! Выпустите из них кишки! Сотрите в порошок! Ты, Эми, – маленькие свирепые глазки впилась в Элфоса, – работаешь по краю, перемещаясь в центр. Бак и Сол тебя прикрывают. Обрати особое внимание на их правого защитника – отсекайте, не допускайте до Эми. Бак, это тебя касается, гляди в оба! Сол, страхуешь центр и полуцентр. Остальные на своих местах. Ну, с Богом! – торопливо закончил он, так как ровный желтый свет над дверью сменился красными вспышками.

Вновь прозвучал сигнал, дверь распахнулась, и «Смертоносные Ангелы» двинулись один за одним через небольшой коридорчик на поле Стадиона. Эми надел защитный шлем и пер-

чатки, сделал несколько резких движений всем корпусом, сплюнул через левое плечо и неторопливой рысцой направился следом.

Стадион обрушился на него сиянием огней, громом музыки, гулом и свитом сотен тысяч людей. На самом деле трибуны, круто уходящие к небу и снизу доверху залепленные рекламными щитами, были пусты, а рев и гул издавали замаскированные там и тут динамики. Сделано это было по предложению психологов, утверждавших, что шум трибун создает специфическое ощущение матча, вносит в игру нужное напряжение и настрой. Так это или нет – Эми не знал, но во всяком случае у него этот гул, яркий цветной свет и какой-то особый запах трехцветного игрового поля вызывал прилив сил, сердце начинало биться часто и тревожно, а руки сами собой сжимались в кулаки. Вот и сейчас он весь напрягся, чуть наклонив голову и устремился к центральному сектору, где уже разминалась его команда, а чуть в стороне мелькали коричневые комбинезоны противника. Когда до синего квадрата оставалось метра три-четыре, Эми Элфос, сильно оттолкнувшись ногами, легко взметнул в воздух свое стокилограммовое тело и, сделав двойное сальто, приземлился в самом центре поля. Трибуны охнули и заревели – это невидимые операторы отреагировали на опасный трюк, но тут зазвучали фанфары, и над головами игроков беззвучно завис судейский вертолет.

Эми опустил на лицо прозрачный щиток и чуть присел, напряженно вглядываясь в глянцево-синее брюхо винтокрылой машины. Все замерло, стали слышными комариное гудение множества прожекторов и легкий шелест широких лопастей, описывающих дрожащие круги, но в эту секунду в днище вертолета распахнулся небольшой люк, и оттуда выскользнул сверкающий никелем шар, молнией метнувшийся вниз. Тяжело стукнувшись о поле, он отлетел от упругого резилана и вновь взлетел в воздух почти на ту же высоту, а следом за ним взметнулись, изогнувшись напряженными, как струна, телами, словно дрессированные дельфины, двое гигантов-центровых, с головы до ног закованных в бронепластик. Игра началась...

Игра началась. Первые минуты проходили в неизбежной суматохе и мелких стычках по всему полю, но постепенно стартовая горячка улеглась, и тут стало заметно, что «Бешеные Бизоны» сегодня в ударе. Казалось, что коричневых на поле больше, они атаковали всей девятой и в то же время успевали, когда надо, отойти в защиту, перекрывая «Ангелам» не только все пути к зачетному полю, но и даже не допуская их до своих полузон.

Эми метался по площадке, пытался прорваться и по левому, и по правому краю, и в центре; но каждый раз на его пути вставали два, а то и три игрока «Бизонов». Элфос шел напролом, сбивал с ног одного, второго, но даже его знаменитый таранный удар, за который его прозвали «Торпедой», не мог на этот раз прошибить плотную и вязкую оборону «Бешеных». Тем не менее, Эми с партнерами удалось трижды забросить стальной, со свинцовым сердечником шар за линию левой полузоны коричневых, но за это время противник сумел провести два чистых заноса в зачетное поле «Смертоносных Ангелов».

При счете 8:3 в пользу «Бизонов», за полторы минуты до конца тайма, Эми Элфос получил передачу в синей зоне и стремительно рванул вперед. Защитники прозевали его рывок, остались где-то там, позади, метрах в двух, а это все равно что в ста километрах, в тысяче, в миллионе километров сзади, ведь по прямой догнать Эми-«Торпеду» могла только пуля...

Левый полукрайний «Ангелов» неудержимо приближался к цели. Он глядел только вперед, на мгновение утратив бдительность, и не замечал, что справа, наперерез ему, несется гигант в коричневом комбинезоне «Бешеных», лучший правый защитник Лиги Оле Пинстренч – Оле-«Кувалда».

До красного прямоугольника зачетного поля оставалось всего несколько метров, когда пути Элфоса и Пинстренча пересеклись и Оле-«Кувалда», взвившись в воздух, с невероятной силой ударил двумя ногами в грудь неудержимого нападающего.

Слепящая боль пронзила Эми, его бросило в сторону, тело стало чужим и неловким, но из последних сил, теряя сознание, он выровнялся, несколько раз переступил подламывающимися

ногами и рухнул лицом в красную синтетическую траву, тяжело уронив рядом с собой хищно блеснувшее металлическое яйцо.

глава вторая

Длинный плац, вымощенный шестиугольными чугунными плитками, слегка выпуклыми и отполированными тысячами кованых башмаков. Кажется, что это огромная черепаха втянула под панцирь лапы и голову и затаилась, испуганно ожидая чего-то.

На спине у чугунной черепахи двумя длинными шеренгами выстроилась вся Школа, все роты с первой по восьмую.

Вечерняя поверка.

Душно. Раскаленный за день чугун припекает сквозь подошвы, жаркий воздух волнами обдаёт разгоряченное лицо. Стоячий воротничок мундира застегнут строго по уставу, на все четыре пуговицы и два крючка, и впивается в истерзанную шею, как паук в трепещущую от ужаса птицу.

Вечерняя поверка.

Напряженные ноги дрожат, горячая струйка противно щекочет между лопаток, хочется пить, ужасно хочется почесаться, но нельзя пошевелиться, а от этого чесаться хочется еще нестерпимее. В глазах темнеет, их щиплет от капающего пота, и нельзя стереть пот со лба, нельзя закрыть измученные глаза.

Вечерняя поверка.

Перед застывшими, затаившими дыхание шеренгами неторопливо прохаживается капрал-наставник Байстренч по кличке «Вяленый Лошак», с силой вколачивая в звонкий плац подошвы высоких шнурованных ботинок. Его длинная худая физиономия с выпуклыми оловянными глазами спокойна и равнодушна. Он доходит до право-флангового, не спеша разворачивается и направляется обратно. Вся Школа, затаив дыхание, не моргая следит за ним.

Дойдя до середины шеренги, капрал-наставник останавливается и, широко расставив ноги, поворачивается к строю.

– Надежда Нации! – в знойной тишине внезапно раздаётся его высокий визгливый голос. – Вы, будущие защитники Свободы, опора прогресса и справедливости. На вас с материнской улыбкой глядит Родина и лично господин Президент!

– Но достойны ли вы этой великой чести? – после небольшой паузы продолжает он. – Нет и еще раз нет! Вы, скопище болванов, – разгильдяев, тупиц и онанистов! И кто-то из вас еще надеется со временем пролезть в священные ряды Гвардии, вы, лопоухие хлюпики с сопливыми рожами! Единственное, на что вы способны, – так это, в лучшем случае, кормить мух и пиявок в джунглях Коричневых болот, и я, со своей стороны, обещаю, что сделаю все, чтобы вы прямиком отправились туда после выпуска! Кадеты Сто восьмой Национальной Школы! «Белые Волки»! Белые крысы – вот вы кто! Вонючки паршивые!

– Ну, – грозно рявкнул капрал, подбоченившись и свирепо оглядывая замершие ряды, – так кому пришлось в его вшивую башку подбросить господину генерал-инспектору свой паршивый рапорт? Кормят их, видите ли, плохо, только о жратве и думаете, стервецы; по морде им иной раз перепадает, скажите какие нежные! Сучьи козявки! Последний раз предупреждаю, сознавайтесь! Кто написал эту поганую бумажонку – выходи!

– Ах, так, – Байстренч криво ухмыляется. – Ну так я сам его назову... – Он поднимает свои, выкаченные рыбы зенки и глядит сквозь всех, сквозь сомкнутые ряды кадетов, сквозь дрожащий от жары и человеческих испарений воздух прямо на меня. Я вжимаю голову в плечи, стараюсь стать меньше ростом, совсем маленьким, исчезнуть, провалиться, если это только возможно, сквозь скользкий чугун плаца, но ничего не помогает, и я тоже начинаю смотреть, смотреть на него не отрываясь, как загнипнотизированный, а он смотрит на меня, чуть прищурив левый глаз, смотрит, как в прицел, вот он медленно раскрывает свой лягушачий рот, я

вижу, как растягиваются и лопаются в нем нити слюны, рот раскрывается все шире и шире, распаивается, как крышка гроба, и оттуда раздается звериный рёв:

– Кадет шестой роты Элфос, три шага вперед!

Эми Элфос вздрогнул и открыл глаза. В раздевалке резко пахло лекарствами. Около кушетки, на которой он лежал, суетились тренер, врач команды со своим чемоданчиком и оба массажиста.

– Ну, Эми, очнулся наконец-то! – облегченно вздохнул Тир. По его жирному лицу обильно струился пот, но в маленьких глазках светились радость и облегчение.

– Что со мной? – вяло спросил Эми, все еще не понимая, где он.

– Ты только не волнуйся, – затараторил Кабан, успокаивающе похлопав своей, похожей на бревно, ручищей по плечу Элфоса. – Видишь, какое дело – ты к красной зоне прорвался, да, видать, отвлекся маленько, вот тебя Кувалда подловил и вырубил.

– Подонок! – встрепенулся Эми и сел на кушетке, но тут же схватился за грудь и забился в жесточайшем приступе кашля.

– Ты ляг, ложись. – попытался его остановить Док, но Эми отмахнулся и, с трудом отдышавшись, спросил:

– Кончился матч?

– Нет еще, минут пятнадцать осталось, – торопливо ответил Тифос и по-собачьи взглянул на Элфоса.

– Счет?

– 12:7

– Я пошел. – Эми решительно приподнялся, невольно скривившись от боли.

– Ты что, рехнулся совсем? – завопил Док. – Столько без сознания провалялся, еле откачали, и опять туда же!

– Ладно, не кипятись, – невольно усмехнулся Эми. – Не шуми, Эскулап. Мне на поле надо. Сам понимаешь – финал.

– А если тебя еще раз рубанут? – не успокаивался доктор. – Что тогда?

– Не рубанут. – зло прищурился Элфос – Я теперь умный, а?

И он подмигнул тренеру.

Тир стоял, понуро опустив голову, сгорбив могучую спину, и уныло прислушивался к пisku «капли» – наушника, пристегнутого к левому уху, бросая время от времени взоры на бесшумно вспыхивающий в углу раздевалки экран телевизора.

– Еще один заброс... – печально поднимая глаза, произнес он. – 13:7. Знаешь что, Эми, ладно, не ходи. Смысла нет, да и времени осталось – чуть...

– Ну, ну, старый бегемот; – покачал головой нападающий. – Когда это «Ангелам» не хватало времени, а? Кончай ныть, лучше помоги мне заменить эти скорлупки!

Элфос, стиснув зубы и стараясь не стонать от боли, снял с помощью тренера и массажистов треснувший бронезилет, стянул через голову мокрую от пота и воды параластовую фуфайку, мельком глянул на громадный кровоподтек на груди, который Док тут же кинулся поливать какой-то пенистой струей из баллона, и начал вновь быстро одеваться.

По мере того как все новые и новые детали экипировки находили свое место на могучей фигуре атлета, стойка его становилась все тверже, а взгляд уверенней. Зашелкнув последнюю застежку, Эми несколько раз передернул всем телом, удовлетворенно хмыкнул и, надевая на ходу шлем и перчатки, двинулся к двери, ведущей на поле.

– Эми, – вслед ему негромко произнес тренер, – я забыл тебе сказать... Сегодня на стадионе присутствует сам Президент...

Широкая спина игрока слегка вздрогнула, но, так и не оглянувшись, он скрылся из виду.

Игра явно выдыхалась. «Ангелы», выбитые из колеи отсутствием своего главного бомбардира и солидной разницей в счете, играли вяло, но цепко, уйдя в глухую оборону и не

позволяя «Бизонам», которые, как сытые волки, больше изображали атаку, чем атаковали на самом деле, стремились еще больше увеличить разрыв. Сверкающий в лужах прожекторов шар плавно перелетал от одного коричневого комбинезона к другому, лишь изредка, да и то ненадолго попадая в руки к белым, которые, особо не раздумывая, старались отбросить его как можно дальше на сторону противника.

Когда Эми появился на поле, его никто не заметил, так как внимание обеих команд, а с ними и телеоператоров было привлечено к зоне защиты «Смертоносных», но в этот момент «Ангелы» в очередной раз перехватили передачу «Бешеных», броском отчаянья вывели мяч за синюю линию, и он мягко приземлился прямо в руки Элфоса. Остолбенев от изумления, «Бизоны», даже не пытаясь рвануться вдогонку, тупо смотрели, как неизвестно откуда взявшийся нападающий неторопливо занес шар в их зачетную зону и, небрежно обронив его там, ленивой трусцой вернулся на свою половину поля, вызывая толкнув плечом кого-то из замешкавшихся игроков противника.

Трибуны взревели механическими глотками динамиков, а стеклянные зрачки телекамер со всех концов бетонной чаши Стадиона впились в массивную фигуру левого полукрайнего «Ангелов», окруженного ликующей командой.

Но вновь взревела сирена – игра продолжалась. «Бизоны», разъяренные тем, что, казалось бы, завоеванная уже победа, а вместе с нею и Суперкубок, вдруг начинает ускользать из рук, очертя голову ринулись в атаку. Но и «Смертоносные» были теперь не те. Воодушевленные внезапным и таким счастливым возвращением капитана, они сражались с удесятеренной силой. Сверкающий металлической молнией шар чертил поле из конца в конец так, что глаз не успевал следить за ним. Но вот, когда до конца матча оставалось меньше двух минут, центральный нападающий «Бешеных Бизонов» ухитрился найти в обороне «Ангелов» крошечную брешь и в невероятном броске вколотил мяч в правую полузону белых... и за полторы минуты до конца матча, финального матча на Суперкубок Лиги регикрэтча, счет стал 14:11...

Напряжение на поле стало спадать, как спадает оболочка воздушного шара, проткнутого шилом. «Смертоносные» все еще бегали, суетились, но уже больше по инерции, непроизвольно торопя томительно тянущиеся последние секунды. Никто из них больше не верил в победу – чудес не бывает, во всяком случае двух чудес подряд... А жаль, черт возьми! Как красиво все могло бы получиться...

За двадцать восемь секунд до конца второго тайма Эми Элфос получил передачу, находясь в своей зоне защиты. Он остановился, поднял голову, поглядел на светящееся табло, на котором горело 14:11 и быстро дергались сменяющиеся цифры секундомера, пожирающие жалкие остатки надежды, вновь наклонил голову и бросился в атаку. Это было так непонятно и так страшно в своей неотвратимости, что некоторые из «Бизонов» даже не пытались его остановить, а те, кто попадался «Торпед» на пути, отлетали от него, как кегли. У Элфоса не было противников на поле, он сражался только с секундами.

За девять секунд до финальной сирены, когда до заветного красного поля оставалось не более нескольких метров, вновь, во второй раз в этот день, пересеклись пути Эми и Пинстренча. Элфос видел стремительно несущегося ему наперерез защитника, уже различал под прозрачным забралом шлема его перекошенную от напряжения и ярости физиономию, слышал хриплое дыхание, вырывающееся из его легких. В двух шагах от нападающего Оле-«Кувалда» взметнулся в воздух, но, когда его тяжелые ботинки уже почти коснулись головы и груди Эми, тот легко, как бы совсем без усилий, прыгнул высоко вверх, перелетел через нелепо растопырившееся в ударе тело защитника и, сделав сальто, прогнувшись, приземлился точно в центре ядовито-красного синтетического ковра.

глава третья

Вибрирующие водяные струи били по раскинувшемуся на нейлоновой сетке телу Элфоса, смывая засохший пот, пыль, разминая напряженные мышцы и снимая усталость. Горячая вода сменялась холодной и вновь горячей, но Эми ничего не замечал. После невероятного напряжения матча он впал в какое-то полусонное состояние, мысли текли вялые, сосредоточиться ни на чем не удавалось да и не хотелось, звуки доносились как сквозь стенку. Его поздравляли, тискали, колотили по плечам, по спине, но он сопротивлялся, только прикрывал руками внезапно занывшую грудь. Потом ему всунули в ладони ручки тяжелой серебряной вазы, увенчанной золотым шаром, и он, прихрамывая, обежал с нею вокруг всего стадиона под вой, свист и улюлюканье пустых трибун. После этого его окружила назойливо крикливая толпа репортеров. Эми спрашивали, он отвечал, скалил зубы в улыбке, махал рукой в телеобъективы, моргал от вспышек фотоаппаратов. А в голове неотвязно билась одна мысль: «Только бы не упасть, только бы добраться живым до раздевалки...»

Напор воды несколько ослаб, она уже не впивалась в кожу тысячами иголок, а струилась по ней ласковыми ручейками. Эми приоткрыл глаза и прислушался. В радостном гомоне раздевалки глухо звучал чей-то незнакомый голос, перебиваемый голосом тренера. Тот что-то невнятно-объяснял, но голос настаивал! и Эми услышал неуверенные шаги, а затем осторожный стук в дверь душевой.

– Какого дьявола? – проворчал Элфос, закрывая глаза но дверь уже приоткрылась, и в щели показалась встревоженная физиономия тренера.

– В чем дело? – недовольно произнес Эми. – Дайте хоть помереть спокойно!

– Эми, – сдавленно просипел Тифос, – там к тебе пришли!

– Гони всех к чертовой матери!

– Эми, – так же непривычно тихо повторил тренер, – тебя желает видеть господин Президент!

В под трибунном переходе было прохладно, и Элфос невольно поежился, потрогав свои мокрые волосы. Двое сопровождавших его верзил, затянутых в белые с золотом мундиры Личной Охраны Президента двигались бесшумно, но так быстро, что у Эми вновь закололо в груди.

Наконец коридор, тускло освещенный неживым светом редких ламп, затянутых металлической сеткой, уперся в невысокую бронированную дверь, возле которой стоял, широко расставив ноги, охранник с автоматом.

Первый из сопровождающих сделал ему какой-то знак и часовой отодвинулся чуть в сторону. Стальная дверь за его спиной дрогнула и бесшумно отворилась. Следом за провожатым Элфос шагнул внутрь, и в ту же секунду броневая плита с глухим лязгом вернулась на место.

В комнате, где он очутился, было так накурено, что два мощных вентилятора, надсадно гудящие под потолком, с трудом разгребали синеватые пласты сигарного дыма. Эми невольно закашлялся – ему еще ни разу не приходилось видеть столько курящих сразу, табак уже давно стал огромной роскошью, доступной немногим, но усилием воли подавил кашель и выпрямился. Комната была битком набита высшими офицерами – генералами и адмиралами. В глазах рябило от множества звезд, орлов, дубовых и пальмовых ветвей, золотых нашивок и позументов. Эми еще сильнее вытянулся, горько сожалея, что на нем дурацкий купальный халат, а не привычный и уместный в данной ситуации мундир.

«У, шакалы, переодеться не дали... – огорченно подумал он. – Стою теперь в халате, как головастик паршивый...»

Горестные раздумья Элфоса прервало появление высокого, худощавого мужчины, который, несмотря на свой штатский черный костюм и галстук, выглядел куда значительней, чем большинство раззолоченных военных.

Вблизи Президент выглядел гораздо старше, чем на портретах и телеэкране, несмотря на черную, почти без проседи шевелюру и ослепительную улыбку, открывающую два ряда безукоризненных зубов. Многочисленные морщины густой сеткой покрывали его загорелое лицо, и только широко посаженные ярко-синие глаза глядели молодо и весело.

Эми напрягся и раскрыл рот, чтобы представиться главе государства, как положено по уставу, но Президент уже подошел вплотную и похлопал его по плечу тяжелой горячей рукой.

– Ну, заходи, заходи, герой! – пророкотал он своим знакомым всей стране мужественным голосом. – Очень рад познакомиться. Эми Элфос, если не ошибаюсь?

– Так точно, господин Президент! Младший стажер-гвардеец первого разряда!

– Молодец! – похвалил Президент, с видимым удовольствием оглядев Эми, и с пафосом обратился к почтительно смолкшим окружающим. – Вот такие крепкие парни и нужны нам, Надежда и Опора Нации! Только они смогут защитить наше дело, только они смогут высоко и гордо пронести над миром священное знамя справедливости!

Президент еще улыбнулся, но в его глазах уже появился грозовой блеск, и он вытянул руку вперед, как бы указывая на кого-то:

– Подлые и безжалостные враги, трусливо прячущиеся в своих унылых норах и всегда готовые исподтишка вонзить нам нож в спину, в бессильной ярости изрыгают потоки клеветы, нагло утверждая, что наша великая страна зашла в тупик, а могучая Нация вырождается! А? – внезапно обратился он к Эми: – Что ты ответишь на это, малыш?

Эми вздрогнул от неожиданности, но быстро нашелся и, твердо глядя чуть поверх головы Президента, произнес уставную фразу из Кодекса Непобедимых:

– Мы свернем всем им шею!

В комнате одобрительно загудели.

– Именно! – подхватил глава государства. – Именно так, сынок. Нация вырождается! Ну, нет! Как бы этого ни хотели наши враги, мы день ото дня становимся все сильнее и сплоченнее! Нация – это одно громадное сердце, бьющееся ровно и точно, один гениальный мозг, создающий великие, небывалые открытия, одна могучая рука, защищающая страну и всегда готовая покарать любого врага. Кто мы? – он вскинул руки вверх, как бы в экстазе, но в то же время, не забыв повернуться лицом прямо к немигающему темному глазу телекамеры.

– Дети Нации! – проревели в едином порыве все присутствующие.

– В чем смысл нашей жизни?

– Сила, свобода и справедливость!.

Президент с шумом выдохнул и вновь повернулся к Эми.

– Сегодня твой великий день, малыш! Ты не просто завоевал для своей команды Кубок Нации, ты сделал это, можно сказать, в одиночку! Все знают, я всегда болел за «Бешеных Бизонов», это моя команда, но сегодня я рад победе «Ангелов». Спору нет, «Бизоны» – отличная команда, но сегодня ее победил великий игрок! Это так, и вся страна видела это. Ведь главное не в том, что за команда владеет Суперкубком Лиги рэгикретча, а в том, что могучий дух Нации, дух многих и многих поколений наших героических предков жив и воплощен в наших молодых, могучих орлах, таких, как сержант Эми Элфос!

Эми удивленно моргнул и раскрыл рот, но Президент властным жестом остановил его.

– Да, да, ты не ослышался! Личным именовым указом Президента, за особые заслуги, младшему стажеру первого разряда Эми Элфосу присваивается звание вице-сержанта!

Он, не глядя, протянул руку, и один из адъютантов вложил в нее большую кожаную папку.

– Ты заслужил это, мой мальчик! – Широко улыбаясь, Президент протянул папку застывшему, как монумент, игроку. – Первый шаг сделай! Надеюсь, сынок, когда-нибудь вручить тебе генеральскую звезду.

– Моя жизнь принадлежит Отечеству! – пересохшим горлом прохрипел Эми. – Я готов служить ему днем и ночью, везде и всюду, потом и кровью!

– Это верно, – кивнул Президент, – служба тебе предстоит нелегкая. Но ты справишься, сержант, я в тебя верю!

Элфос медленно брел по коридору, возвращаясь к себе в раздевалку. Все происшедшее казалось ему нереальным, эпизодом из какого-то фильма, сном, наконец, и только коричневая папка, остро пахнувшая новой кожей, в какой-то степени убеждала, что это не так. В голове у Эми все перемешалось: игра, кошмар беспамятства, крики несуществующих болельщиков, неожиданная встреча с Президентом... Элфос не мог ни на чем сосредоточиться, тем более что теперь, когда нервное напряжение схлынуло, вновь навалилась невероятная усталость, разболелась грудь, мелко подрагивали мышцы рук и ног, и страшно хотелось спать...

До Резиденции оставалось не более получаса езды, когда Президент, развалившийся в мягком удобном кресле своего бронированного автомобиля, заметил, что его личный секретарь, сидевший на переднем сиденье рядом с охранником, чем-то явно озабочен. Он все время ерзал, вздыхал и украдкой поглядывал на спокойно сидящего шефа в длинное узкое зеркало, укрепленное над лобовым стеклом. Это было так непохоже на всегда спокойного и уверенного в себе Коми Эзимайнда, что Президент даже несколько встревожился.

– Что с вами, Эзимайнд? Что-нибудь случилось? – спросил он, поймав в зеркале взгляд секретаря.

– Да как вам сказать, господин Президент... – нехотя, но с явным облегчением ответил Коми. – Это насчет того парня, Эми Элфоса. Вы ведь отдали приказ ввести его в состав Особого Отряда «Свобода»...

– Ну и что? – уже нетерпеливо осведомился Президент.

Видите ли, в чем дело...—секретарь щелкнул замками портфеля и, достав оттуда узкую карточку с выбитым на ней текстом, протянул ее на заднее сиденье.

Прочитав несколько печатных строчек, Президент раздраженно отшвырнул карточку и исподлобья тяжело поглядел на Эзимайнда. «Черт бы побрал этих головастика, – загораясь гневом, подумал он, – всегда сумеют испоганить настроение!» – и резко спросил: – Что, нельзя было сообщить раньше?

Секретарь виновато опустил глаза. Президент еще несколько мгновений сверлил его взглядом, затем заставил себя улыбнуться:

– Ладно, не переживайте так, дружище! От ошибок никто не застрахован. Я думаю, здесь все обойдется. Не отменять же приказ Президента, верно?

Секретарь благодарно взглянул на него и торопливо кивнул.

– Кстати, какова вероятность срыва?

– Не более 5—7%, – быстро ответил Эзимайнд.

– Семь процентов... – задумчиво произнес глава государства, пускай даже десять... Что ж, девять против одного, риск не так уж велик. – И он вновь откинулся на кожаные подушки, закрыв глаза. Но хорошее настроение не возвращалось.

глава четвертая

Горная дорога извивалась змеей, как бы стараясь выскользнуть из-под колес надсадно гудящего армейского грузовика, но он каждый раз успевал вовремя повернуть и вновь оказаться на ее спине. Эми болтался из стороны в сторону в затянутом пятнистом пластиковом кузове, пока, наконец ему не удалось зацепиться за какой-то привязанный к полу тюк. Время от времени он глядел в маленькое пыльное окошко под самым потолком, но не мог разглядеть ничего, кроме белесого неба да мелькавших изредка облаков.

Наконец дорога перестала дергаться, и мотор обрадованно взревел. Тряска почти прекратилась, и Эми прислонился к приютившему его тюку, положив на колени маленький чемоданчик с личными вещами.

За последние несколько дней произошло столько всяких событий, что Элфос почти утратил способность удивляться. Президентский указ в мгновение ока превратил его из зеленого сосунка-стажера, которому до положения полноправного гвардейца предстояло прослужить не менее пяти нелегких лет, в бывалого сержанта-ветерана, подняв, таким образом, на недостижимую высоту. Бывшие товарищи Эми даже не особенно завидовали ему: было в этом стремительном возвышении что-то пугающее, недоступное их неповоротливым мозгам. Поэтому с Элфосом простились довольно холодно, хотя его бывший командир и произнес небольшую речь, в которой поздравлял Эми с новым назначением и призвал не забывать Стальную. Когорту и не посрамить ее славные традиции. Остальные стояли и молча смотрели, как ново-явленный сержант собирает свои нехитрые пожитки, – какое имущество может быть у холостого солдата! – и только тяжело сопели. Даже Гуд Килфос, койка которого вот уже три года стояла в казарме рядом с койкой Эми, когда тот подошел к нему проститься, неловко сунул свою неуклюжую пятерню и тут же отступил в сторону.

Собственно, расставание с Когортой не особо огорчило Эми. Друзей он себе там так и не завел, проводя все свободное время в постоянных тренировках и играх, хотя три года – это три года, немалый срок, особенно когда тебе всего лишь двадцать один...

Гораздо тяжелей было расставаться с командой... «Смертоносные Ангелы» до прихода Эми особо не блистали в чемпионате Лиги рэгикетча. Это вообще была странная команда, не похожая на другие. и, может быть, именно поэтому Элфос, лучший молодой нападающий национальных школьных первенств последних лет, выбрал именно ее. Его приглашали в лучшие профессиональные клубы, кстати в те же «Бизоны», и в «Акулы», и в «Непобедимые», а он выбрал заведомого середняка... Почему? Эми и сам часто задавал себе этот вопрос и не мог найти ответа. Может быть, потому, что Тир Тифос, прозванный за упрямство и невероятные размеры «Кабаном», был одним из немногих тренеров Лиги, на дух не переносивших и категорически запрещающих в своих командах употребление любого рода стимуляторов, наркотиков и прочих «чудо-эликсиров». Не было в его команде и штатных костоломов, специалистов по надежному выведению из строя игроков противника, не было и привилегированных любимчиков, и, может быть, поэтому не держались в рядах «Смертоносных» суперзвезды, привыкшие к слепому обожанию. Так что «Смертоносными» «Ангелы» были в основном по названию, а командование ВВС. под крылышком которого по традиции находилась команда, уже давно махнуло на нее рукой.

С появлением Эми Элфоса все изменилось. Его молодая, буйная энергия как бы зажгла, расшевелила всю команду. Команда заиграла по-новому и за какие-то три года ворвалась в элиту Лиги, а нынче и вовсе совершила невиданное – победила в первенстве Лиги и завоевала Суперкубок... И вот теперь Эми покидал «Ангелов»... Они держались бодро, говорили преувеличенно весело и излишне часто хлопали Элфоса по плечам и спине, так что скоро тело его

загудело, как после матча. Он тоже шутил, смеялся, жал руки, хлопал по могучим спинам, а на душе почему-то становилось все тоскливее и тоскливее...

Наконец все необходимые слова были сказаны, и в раздевалке повисло неловкое молчание. Эми заторопился и, подхватив на плечо увесистый баул с подаренной ему на прощанье полной защитной формой нападающего, двинулся к выходу. На пороге он обернулся, махнул рукой глядящим ему вслед людям, стараясь не встречаться ни с кем глазами, и вышел.

Когда Эми уже почти подошел к ожидавшей его машине, он вдруг услышал за спиной свое имя и удивленно оглянулся. Старый Док, врач команды, спешил за ним, делая рукой призывные жесты. Элфос остановился, снял с плеча тяжелый баул и стал поджидать торопливо ковыляющего медика.

Док приблизился к Эми и остановился, с трудом переводя дыхание.

– Что стряслось, Эскулап?

– Эми, – тяжело дыша, заговорил врач, – послушай меня внимательно... – Он пытливо заглянул в глаза ничего не понимающему игроку. – Я хочу сказать тебе одну вещь и надеюсь, что ты поймешь меня правильно. Дело в том, – продолжал он, – что я в свое время, давным-давно, работал в медицинской группе отряда «Свобода», так что имею некоторое представление о том, чем тебе предстоит там заниматься... Может случиться так, а может случиться всякое, что тебе потребуется друг, человек, на которого можно было бы положиться, человек, который объяснил бы тебе то, что самому понять порой просто невозможно... Так вот, найди в Медицинском Центре доктора Кеви Кесмайнда... Кеви Кесмайнда, запомнил? И скажешь ему, что тебя послал Эскулап... он поможет. Ты все понял?

– Понял, спасибо, – ответил Элфос, хотя на самом деле ему было совершенно непонятно, чем ему может помочь какой-то головастик, пусть даже такой же хороший мужик, как Док.

– Кстати, Док, – обратился к старику Эми, – а почему тебя называют Эскулап?

– Это прозвище у меня давно, – задумчиво ответил медик, – еще с лица. Я совсем мальчишка был, а уже решил для себя: буду лечить людей... Вот меня и прозвали Эскулапом...

– Так это был такой врач?

– Верно. Был такой старый врач по имени Эскулап...

– Давно? Еще до войны?

– Давно, очень давно... до многих и многих войн... – печально усмехнулся Док и, махнув на прощанье Элфосу, прихрамывая, пошел назад. Эми глядел на его сутулую спину и вдруг явственно понял, что видит Эскулапа в последний раз...

В кузове грузовика внезапно потемнело. Эми поднял голову к потолку, но ничего не увидел очевидно, машина вошла в тоннель. Рев мотора стал глуше, толчки и тряска совсем прекратились, и сержанта уже начало клонить в сон, как вдруг ему в голову пришла мысль, от которой сон как рукой сняло. Прощаясь с ним, Док ясно дал понять, что знает место нового назначения Элфоса – Особый Отряд «Свобода», а ведь сам Эми тогда еще не знал, куда его направят для дальнейшего прохождения службы, и узнал это только сегодня утром, причем расписался в трех различных бумагах, призывавших соблюдать строжайшую тайну.

«А Эскулап, выходит, знал об этом еще вчера, – подумал Элфос. – Интересно откуда. И что все это означает?»

Решив для себя обязательно разобраться в этом позже, Эми вновь задремал, но тут кузов резко качнуло, и машина остановилась.

Сквозь окошечко пробивался неяркий свет, снаружи раздавались оживленные голоса. Слышно было, как хлопнула дверца кабины, и кто-то постучал по кузову.

– Эй, приятель, – услышал Элфос голос шофера, – просыпайся, приехали.

Эми отстегнул полог и ловко спрыгнул вниз, придерживая вещи: Выпрямившись, он огляделся по сторонам и присвистнул от удивления!

Темно-серые оплавленные скалы, плотным кольцом окружавшие бетонную площадку размером с небольшой аэродром, вздымались ввысь и сходились на высоте 300—400 метров, образуя колоссальный каменный свод, в самом центре которого синел клочок горного неба, на котором ярко горели крупные звезды.

У Эми закружилась голова, он поспешил опустить глаза и увидел стоящего прямо перед ним невысокого бледного человечка в черном комбинезоне с эмблемой, изображавшей орла, державшего в когтях земной шар, на рукаве. По краю эмблемы вилась надпись: «Сила. Свобода. Справедливость».

– Сержант Элфос? – спросил человечек тонким, безжизненным голосом и, когда Эми кивнул, продолжал: – Прощу следовать за мной.

Перехватив поудобнее баул с формой и чемоданчик, Эми двинулся следом за провожатым. Пройдя метров тридцать, они остановились возле невысокой платформы, стоящей на четырех цилиндрах, похожих на большие консервные банки. Наверху платформы стояли два кресла, типа самолетных, и небольшой пульт управления.

Провожатый ловко запрыгнул в одно из кресел, жестом указал Элфосу на другое, пристегнулся широким ремнем и проследил, чтобы Эми сделал то же самое. После этого с сомнением взглянул на массивного сержанта и передвинул ближе к своему креслу его вещи. Затем откинулся на спинку и нажал какую-то кнопку на пульте.

Раздался приглушенный рев, платформа мелко задрожала, потом из-под нее вырвалась тугая струя огня, и странное сооружение с нарастающей скоростью взмыло в воздух.

Эми сидел, вжавшись в кресло, и с ужасом ожидал неминуемого столкновения со скалой, но, как видно, бледный человечек хорошо знал свое дело. Взлетев метров на триста от земли, платформа затормозила и начала медленно двигаться вдоль каменной стены. Спустя некоторое время в стене показалась полукруглая ниша, куда и направил пилот свой необычный корабль.

Вблизи ниша оказалась входом в длинный сводчатый коридор, на площадке которого платформа ловко приземлилась.

– Ну и дела! – облегченно вздохнул Элфос, с трудом выбираясь из кресла и разминая затекшие ноги. Я уж с жизнью простился, вот сейчас, думаю, грохнемся, костей не соберем!

На тонких губах пилота впервые мелькнуло подобие улыбки.

– Ваша комната 206-С. IV блок, левая сторона, сообщил он и, немного помедлив, добавил: – Поздравляю с прибытием в Отряд.

– Спасибо! протянул руку Эми, но пилот уже включил двигатель, и платформа исчезла, оставив после себя резкий запах озона.

Элфос огляделся по сторонам и, заметив на стене стрелку указателя со словами «НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ», пошел вглубь коридора.

Коридор был довольно широкий, стены и полукруглый потолок светились ровным желтоватым светом, хотя светильников и не было видно, похоже, что светились облицовка стен. Каменный пол, выстланный ровными резилиновыми плитами, чуть пружинил под ногами, и ступать по нему было приятно.

Идти пришлось довольно долго. Эми миновал несколько плотно прикрытых дверей с цифровой индикацией: I блок, II блок, III блок... Наконец показалась дверь? с надписью IV блок. Она в отличие от других была приоткрыта. Элфос вошел внутрь и оказался в небольшом, но тщательно оборудованном спортивном зале. Тут стояли различные снаряды и тренажеры, был даже маленький электронный тир и манекен для метания ножей.

С любопытством озираясь по сторонам, Эми заметил в углах зала четыре двери с номерами: 206-А, 206-В, 206-С и 206-Д. Сообразив, что это и есть его пристанище, он подошел к двери с номером 206-С и негромко постучал. Ответа не было. Он подождал немного и постучал еще раз, уже настойчивее. Не дождавшись ответа, слегка толкнул дверь, и она бесшумно распахнулась.

Переступив порог комнаты, Элфос поставил свою поклажу на пол и огляделся. Комната была большая и на вид довольно уютная. Пол покрывал пушистый красно-коричневый ковер, стены были обиты каким-то материалом, напоминающим цветную кожу, справа и слева у стен стояли две широкие приземистые кровати, на одной из которых лежал небрежно сброшенный форменный комбинезон, а вторая была идеально заправлена и накрыта пуховым пледом. В противоположной от входа стене Эми с удивлением увидел полуприкрытое широкими шторами большое окно, за которым виднелся величественный горный пейзаж. У окна стоял письменный стол, сверкающий девственно чистой поверхностью, а справа от него – два глубоких мягких кресла и огромный телевизор. На стене над телевизором красовался большой разноцветный плакат, на котором была изображена роскошная, совершенно голая девица с распущенными волосами, сидевшая на спине большого черного быка. Надпись под плакатом гласила: «Приезжайте в Испанию!» Девица сладко и многозначительно улыбалась, широко раскинув руки, как бы пытаясь кого-то обнять, отчего ее высокая грудь с острыми сосками воинственно топорщилась, и каждому становилось ясно, что поездка в Испанию – дело стоящее. Бык же, напротив, несмотря на длинные, слегка изогнутые рога и громадный вид, выглядел вполне миролюбиво и даже несколько смущенно; копытом согнутой в колене передней правой ноги он рыл землю, как бы шаркал ножкой, извиняясь за свою легкомысленную наездницу.

Увлечшись разглядыванием плаката, Эми вдруг услышал шум воды и низкий мужской голос, напевающий что-то неразборчивое. Он повертел головой, не понимая, откуда доносятся эти звуки, но тут шум воды стих, слева, около входа, открылась еще одна, не замеченная им, дверь, и оттуда появился высокий, мускулистый, коротко стриженный мужчина, весь наряд которого составляло обмотанное вокруг бедер полотенце. Удивленно поглядев на растерявшегося Элфоса, он слегка усмехнулся и подмигнул ему круглым черным глазом.

– Чего испугался, я не кусаюсь, – насмешливо проговорил он и, достав из встроенного шкафа полосатый банный халат, неторопливо облачился в него.

– Ты, как я понимаю, мой новый сосед, – продолжил он, удобно развалившись в кресле и оглядев Эми с ног до головы, – так что можешь не торчать посреди комнаты, как рог на лбу, а для начала спокойно сесть.

– Так-то лучше будет. – заметил стриженный, когда Эми присел напротив него. – Теперь давай знакомиться. Штаб-сержант Биг Айстренч. – И он протянул Эми мощную руку, густо поросшую черными волосиками.

– Вице-сержант Эми Элфос, – отвечая на рукопожатие, представился тот и почувствовал, что пальцы Айстренча стальными тисками впились в его ладонь.

«Вот оно что...» – удивился про себя Эми, но виду не подал. Он только слегка напряг свою кисть, не давая ее расплющить, и стал ждать. Биг все усиливал и усиливал нажим, но вот от перенапряжения его рука начала дрожать и слегка ослабла. Элфос молниеносно сдвинул пальцы противника так, что тот невольно вскрикнул, и тут же отпустил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.